

Лахомова Нина Владимировна
была осуждена на 8 лет в 1938
как член семьи изженника роди-

Мы жили в Ленинграде довольно большой семьей. К 1937 г. по улице Зверинской д. 33 кв. Жили проживали я, мой муж Василий Иванович, наши дети - Таня и Женя, мои родители и моя старшая сестра Валентина. Василий Иванович стремился получить медицинское образование и учился в Военно-медицинской Академии, но в 1934 г. во время "чистки" был исключен из академии, т.к. был сыном дьячка, т.е. оказался чудным элементом. Затем с трудом он поступил в Ветеринарный институт, который и окончил. В 1937 г. Вася работал в научно-исследовательском бактериологическом институте в должности заведующего лаборатории. К этому времени он был кандидатом наук, единственным в институте. Он имел печатные труды: 2 учебника и 13 экспериментальных работ. Готовил он и докторскую диссертацию, причем, весьма успешно. Дочь моя Таточка должна была идти в первый класс, сын Женя был на 4 года моложе.

Старший мой брат Дмитрий был зоотехником по образованию, окончил Тимирязевскую Академию, занимал ответственное место, имел семью, но в начале 30-х годов был репрессирован, но в то время это еще не было смертельно. Семья его жила в Харькове, а затем на Украине.

Второй брат Виктор, старше меня на 6 лет, жил до 1935г. тоже в Ленинграде, был доцентом Агропедагогического института. К 40 годам он имел 43 печатных работы. После убийства Кирова в 1935г. он был из Ленинграда выслан вместе с семьей, как тысячи других ленинградцев.

Мой отец в прошлом веке окончил Тимирязевскую академию. Раньше она называлась Петровско-Гавриловской. Отец лично знал Тимирязева. Работал отец в разных местах: и на практической работе, и на педагогической, в общей сложности более 80 лет. С 1917 г. отец работал профессором на женских сельскохозяйственных курсах / Стебутовских/, которые в дальнейшем были преобразованы в Ленинградский сельскохозяйственный институт, там отец и работал почти до 80 лет. Отец имел многочисленные печатные труды и два учебника. Этот же сельхозинститут закончила и я в 1946 г.

В Ленинграде я занималась педагогической работой. Начала я работать еще студенткой: в Ученом комитете у профессора Немилова / гистолога/. 3 года была я препаратором, работала с микроскопом, делала тончайшие срезы различных тканей. Лабораторная работа была мне хорошо знакома.

Моя мать окончила гимназию с отличием, тоже в прошлом веке, мама была добрым человеком с большими способностями. Особенно хорошо она писала сочинения. Повидимому, эти способности передались ее внучке и правнучке.

В 1937 г. летом я с детьми и мамой жила на даче в Юкках - это на границе с Финляндией, красивое место с озерами и лесами. Муж приезжал на выходные и с нами проводил свой отпуск. В один из приездов он сказал, что в городе творится что-то невероятное: идут массовые аресты, у них в институте арестовали директора и нескольких сотрудников.

В конце августа мы возвратились в Ленинград, домой. Я готовилась к началу учебного года, дети были здоровы и весели.

Вдруг ночью раздался звонок, мы с мужем вскочили, спросили кто? - ответил управдом, отворили, в квартиру ворвались 3 человека. Первым вошел невысокий вороткий человек с нерусским лицом, он походил на прибалта, с ним стрелок и управдом. Задали себе пришедшие так, будто здесь ужасные преступники. Предъявили срдер на обыск и арест. В коридоре у нас были стеллажи с книгами. На верхних полках лежали ноты, т.к. Сестра играла на скрипке, я на фортепиано, а отец в юности играл на виолончели. Много было и книг, у нас была неплохая библиотека. К зоне библиотеке поставили стрелку, который начал просматривать ноты и книги, а затем бросать их на пол. Мой муж сказал следователю / я думаю, что это был следователь/: почему вам работник обсображенчествует? Следователь в это время обыскивал насин письменный стол, он подошел к стрелку и что-то ему сказал, после чего стрелок соорудил разбросанные книги и поставил их на место. Думаю, что потом уже в тюрьме все это приложили.

Обыск длился долго. я сидела испуганная, дрожащая и думала, что можно искать у человека глубоко порядочного, отлично работавшего. Закончив обыск, мужу предложили одеваться и идти с ними. Он пошёл в детскую прощаться с детьми, которые крепко спали. И не пошла с ним туда, не могла пойти, так мне было тяжело. я взяла маленький чехоланчик, положила смену белья, умывальнице приналожности и небольшую подушечку. Муж выбросил подушечку, положил несколько книг, сказав: в советской тюрьме я буду работать. Прощаясь со мной, я сказала: если создадут контрреволюционный процесс- езжай в Москву, ходи пози. Я, конечно, пообещала, хотя знала, чувствовала нутром, что все хлопоты будут бесполезны. Ещё он сказал: постараюсь увидеться с Еленой Федоровной./ это одна из его лаборанток, у которой муж был арестован 2 недели тому назад./

Утром я позвонила в институт, и телефону подошёл Ласин помощник. Он сказала, что муж вне дома, на работу явиться не может и попросила передать Елене Федоровне, что хотела бы её видеть. Сама пошла на работу. На меня как коллеги обратили внимание, спрашивали: не больна ли я, так меня изменила эта ночь. Такая библиотекарша рассказала мне, что арестовали одного её знакомого, а затем через несколько месяцев арестовали его жену с грудным ребёнком. И гнала от себя тяжёлое мысли, я должна была воспитывать и учить детей. Но ночам просыпалась в страхе и холодном поту. Жизнь шла своим чередом, я работала, надеялась как-то помочь мужу. Однажды Таточка, когда я ее проводила в музыкальную школу, спросила меня: папа наш в тюрьме? я ответить не смогла, прошмычала. Приблизился Новый год. Женя с детьми знакомые приглашали в гости на ёлки. Однажды маленький сын моей Елены в разгар праздника подошёл ко мне и сказал: мама, пойдём dochay, может быть, папа вернулся. Тяжло мне это было, ведь дети, не разыграясь ни в чём, тоже страдали.

Через неделю после ареста Ласи я пошла к своему директору и всё ему рассказала, больше не смогла таить свой несчастье. Он, конечно, побежал к высшему начальству и спрашивал, что со мной делать? Должна сказать, что ко мне относились сочувственно и сослуживцы, и знакомые, моих детей никто не терзал, что они дети врага народа. Так было в Ленинграде в нашем окружении, в других местах, я знаю, было иначе.

Меня не уволили, я продолжала работать.

На второй день после ареста Ласи привела ко мне Эле / Елена Федоровна/ и рассказала, как можно передать деньги мужу. Для этого нужно было выстоять огромную очередь около "Большого Дома" на ул. Куйковского, что я, конечно, и сделала. З часа дня я заняла очередь, но сумела передать деньги - 100 руб. только на другой день утром, простояв всю ночь. Тут я увидела толпу людей: юноши, патроны, даже бабушки. Гedко встречались мужчины, у которых в "Большом Доме" сидели жены. Всю ночь мы мерзли, иногда из здания выходили какие-то люди, смотрели на нас подозрительно, мы заражались к гриппу. Некоторые удрученные молчали, большинство верило, что разберутся и выпустят невинных, слышались возгласы: этого не знает Сталин.

Я этому не верила. После убийства Кирова было много странныго. Сначала был слух, что убийство на романтической почве, потом - на политической, погиб шофер машины или охранник Кирова, когда его вели на допрос. Выскакали после этого тысячи людей, а суды 1935 года и 37²¹? И вдруг - этого не знает Сталин! Было над чем призадуматься.

После ареста Ласи я жила в непрерывном страхе, но не распустилась, не плакала, много работала, старалась не дать детям почувствовать этой нелепой несправедливости. в конце февраля я с Эле²² снова стала в очередь в спрашочное ЦУМ, чтобы узнать о судьбе моего мужа. Мне сказали: ваш муж выслан. На сколько лет, куда, по какой статье осужден- эти слова, это было тайной. Еле сказали то же самое. Ги одной из моих знакомых жен не дали свидания с мужем.

Правда, единичные случаи были, когда следователь разрешал мужу позвонить dochay жене. Так директор Ласиного института звонил своей жене, об этом я узнала уже потом, в тюрьме, где я находилась вместе с этой женщиной. Такие звонки как-то помогали спиритизм. Ни мне, ни Эле наши мужья не звонили.

3
Однажды пришла к нам Эля и говорит: нам нужно чего-то ждать, высывают мои свекровь.

24 марта 1938г.

Я пришла домой поздно, после советания. Почему-то у меня мелькнуло в мыслях, что недолго мне осталось видеть моих детей.

Ночью раздался звонок. Вшли двое - офицер и стрелок, предъявляют ордер на обыск и мой арест. всех нас посадили в столовой, детей не тронули, они спали. Офицер делал обыск поверхности, кое-что проглядел, похлопал по книгам.

Прощаться с детьми я не пошла - была не в состоянии. Гладила я маму по голове, говорила: что же делать! Отец меня остановил, сказал: Нина, возьми себя в руки, против наводнения, землетрясения не попресь. Стари было 82 года, маме - 75 лет. Единые мои престарелые родители! Они остались с моими малолетними детьми, правда, оставалась и старшая сестра Валя. Мне собрали вещи. Я думала, что меня высылают к мужу, так тогда думали многие, ведь никто ничего не знал о судьбе мужчин.

Меня увезли. Офицер нес мои вещи. Мы спустились в парадный подъезд, там стоял столик и два кресла, меня посадили в одно из них, офицер ушёл, я осталась со стрелком. Я его спросила, за что ее меня могут брать в тюрьму. Он мне ответил: наверное, за мужа. Туда дорога широкая, широкая, а оттуда - тропинка узенькая, узенькая.

Си меня жалел и, повидимому, предупредил, что надеяться не на что.

Меня повезли в большой дом вместе с некоторыми мужчинами, которых арестовали в нашем доме. Везли в "чёрном вороне". Я слышала, что в Большом доме пытают и избивают наших заключенных и очень боялась.

Меня посадили в бокс одну, но вскоре вызвали с вещами и со своим офицером я поехала в женскую тюрьму. Надо сказать, что этот офицер, как только мы вышли из машины, взял мои вещи и помог мне подняться в чёрный ворон. В женской тюрьме меня провели в железную клетку, где было несколько женщин. Одна из них с грудным ребёнком. Эта женщина всё время стучала по железу - требовала молока для своей 6-месячной дочки. Стальные были безучастны, никто ни с кем не разговаривал. По коридору проводили настоящих преступников: воров, снекулинов, молодых женщин сомнительного поведения. Этих людей сразу можно было отличить по вульгарным разговорам, диким выходкам, ругани и даже дракам. всё это для меня было ново и странно.

Что дальше? - думала я. Скорее бы к какому-нибудь концу.

За мной и ещё одной женщиной пришла постовая / служдан/ и повела нас наверх. В какой-то маленькой комнате меня обыскали, взяли ремни с тёка / чемодан дома веять не разрешили/, ещё взяли мой пояс. Шеколон был вылит на меня. Всю меня в камеру.

Отворилась дверь, я шагнула туда. Увидела я массу женщин разных возрастов, некоторые были полудети. Было зарю и дуню. Сидели на нарах, на полу и даже под нарами. Ноги в руках держали мокрое бельё: лифчики, чулки, трусы и пр. и всё это непрерывно трясли. Мартина была очень странная. Потом я поняла, что они сушат выстиранное бельё. в камере была раковина с краном холодной воды и унитаз за маленькой железной перегородкой. Было 31 марта, они располагались буквой Р, а жён было больше 100 человек и все прибывали и прибывали новые женщины. На нарах лежали по двое и сде одна в ногах наперёк. Весь пол в камере занимали тоже женщины с вещами.

Когда я вошла, с нар поднялась одна женщина - бронетка с чёрными глазами средних лет и сказала: я староста камеры Гуденина Задля. Она спросила мое имя и фамилию, предложила расположиться, пока есть место, под нарами, что я и сделала. Потом я узнала, что Задля Гуденина по образованию - инженер.

Я удивилась, почему со мной нет Эли. через 3 дней открылась дверь камеры и явилась Эля. Я выглянула из под нар и сказала ей: идите сюда, здесь хорошо, по крайней мере можно встянуться.

Эля расхохоталась так громко, что тотчас открылся глазок. Вероятно, её заявление было чрезвычайно нелепым.

Конечно, Эля тут же прикула ко мне, вынула маленький попугайчик и мы улеглись. Я перестала чувствовать себя одинской.

Однажды в день нас водили на прогулку на 15 минут. Каждый вечер у нас была проверка. Нас съедали клопы. Очень важно для нас было наличие в камере раковины с водой. Вымывшись до пола мы могли освежиться, это было огромным преимуществом.

Каждую ночь прибывали новые женщины, нас стало 124, а камера была рассчитана на 24 человека. Пройти к уильямнику или к университату было очень трудно — скуда было ступить.

Заходил начальник- мужчина небольшого роста, неграмотно говоривший по русски. Мы, конечно, закричали: за что нас арестовали это беззаконие и т.д. Он разрешил написать письма домой, узнать, что с детьми. Когда писали письма- многие плакали. Потом, когда получали письма- некоторые читали их вслух, а плакали все. И стали заботиться друг о друге. Разрешили нам передачи... получила нечто из одежды, в чулке передали чеснок- который родители дужими обцинге. Медицинское обслуживание обеспечивала пожилая женщина фельдшер- акушер заключенная. Однажды к нам привели женщину-латышку, которая, в отличие от нас, сидела по своему делу. Быстро ее перевели в другую камеру. Мы же все были жены.

Сднадцать в первые поднялся бунт среди подростков-мальчиков. Ганкоридор отделялся от них деревянной перегородкой. Они стали разбивать эту перегородку, трескали девочки и норвались в наш коридор. Тыл страшный топот и крик, но постепенно шум утих. В камере я нам вошел перепуганный врач, спросил все ли у нас в порядке. Потом мы узнали, что подростки забунтовались и из человека убежали.

После этого случая нас перевели в другую камеру, где не было раковины и унитаза. Это было очень плохо. Два раза в день нас водили в уборную.

Однажды отворилась дверь и Балю Будёниую позвали к начальнику. Очень долго её не было, потом вернулась весёлая и сказала, что все в порядке. Мы спрашивали её: не родственница ли сна Емельяну Михайловичу, но сна не отвечала на этот вопрос.

Было арестовано ино Бехтерева Зинаида Васильевна. Её муж был арестован. Сестр мужа - известный врач-психиатр. Рассказала она мне следующее: когда её пришли арестовывать, то она вела себя очень громко: плакала, кричала, уцепилась за кроватку своей маленькой дочери Наташи, которой было 4 года, её оттащили от кроватки.

Сейчас эта бабушка - большой учёный, бывший лицемеру, унаследовала гены своего великого деда. Недавно в журнале я читала, что у Чатами было тяжёлое детство: "так случилось, что её родители рано умерли"... И ни слова, что родители были репрессированы в 1937г., когда Чатаме было 4 года.

Перед 1 мая нам сделали обиск, отобрали все вещи красного цвета. Одна из наших жен по образованию прист на разъяснила, что начальство боится, что мы будем махать из форточек тремя красными

накануне нас начали выкликать к следователям. Это были очень молодые люди, вели они себя с нами возможно и да с осторожностью. Вопросы задавались стандартные: сколько лет жили с мужем, хорошо или плохо, с кем водили знакомство. Потом следователь говорил, по какой статье обвинялся муж. Мой Вася обвинялся по статье 1 А пункты 10, 11. Оказывается, он состоял в группе и агитировал против советской власти. Бред какой-то! Большинство мужей имели ~~статью 10, 11~~ статью 1 А пункт 7. «Эли муж и сл 1 А пункт 6. Эля дико хотела, так это было невероятно, она говорила: оказывается мой Володя - шизон. Прошло начало времени и нас вызывали получать приговор. Приводили нас в парижмахерскую, здесь нам производили гинекологический осмотр, там же вручали приговор. Нас судила тройка военная в Москве. На продолжавшем тонком листочке бумаги было напечатано: я также-то, как член семьи изменника родины, осуждённого по ст. 1 А п. 10, 11 ссылась в исправительно-трудовые лагеря сроком на 8 лет.

Когда мы все собрались в камере, то выяснили: те, кто больше 8 лет прожили с мужьями - получили 8 лет, кто от 5 до 8 лет - получили 5 лет, кто меньше 5 лет - 3 года, а кто меньше 3 лет - получили вольную высылку, но таких было мало. Только Валя будённая, хотя и прожила с мужем больше 8 лет, получила вольную высылку.

Наша женщина - юристы знали статьи законов и говорили нам, что статья 1 А / измена родине/, которую применяли к нашим мужьям, гласит: кто первый или перелетел границу и остался в стране врагов, является изменником родины, а семья этого изменника высылается в отдаленные края. Большинство наших мужей вообще отродясь не бывали за границей, а мы оказались в тюрьмах и лагерях.

Перед выездом в лагерь нам дали свидание. Я 40 минут говорила со своей мамой, которая очень похудела. Мама утешала меня, как могла, говорила, что она, отец и баба сделают для детей всё, что Таточка отличной перенесла во 2 класс. Мама говорила, что, конечно, нас долго не будут держать, отпустят. Это было в конце мая.

Начали вызывать тех, кому предстояла вольная высылка. Повёл их пожилой мужчина. Затем он пришёл к нам в камеру, встал так, чтобы загородить глазок, и передал нам записку от Валентины Гудиной, где она писала, что вместе со своими детьми уезжает в ссылку.

Потом мы узнали, что этого мужчину уволили с работы за сочувствие к землячеству.

40 мая 1938г. нас стали готовить к этапу. Мы собирали вещи.

Нас партиями выводили, сажали в автобусы и волокли на вокзал на какой-то запасный товарищий путь, где формировался поезд для нас.

Стоили теплушки с двухъяруснымиарами.

Мы были окружены воисками НКД, во главе с офицером среднего возраста, полным, розовым, самодовольным. Он решил проявить свою грозную власть надими беззащитными женщинами: у одной были длинные волосы, закрепленные шильками на затылке. Так этот офицер вытащил эти шильки, волосы упали на плечи. Мы замерли, а он закричал: тише, а не то одну наручники! Одна из женщин ответила: зачем же наручники, уж лучше наорудники.

Охраняли нас молодые стрелки, коимили иллюзию: солнечная раба, а воды было мало.

Раз в день к нам являлся стрелок и рукой ударил по стенкам вагона: проверил, не сделали ли мы что-нибудь для побега. Нам это было смешно. Не помню, сколько мы ехали, но одинажды утром поезд остановился в Мордовии на станции Потьма. Здесь были когда-то лагеря для кулаков-Томниковские лагори. Лагерь был окружён колючей проволокой с бровкой, собаками, проходной.

Входя на территорию, мы увидели запустение: полуразрушенные бараки, грязь. Нас принимал и пересчитывал мужчина с приветливым и спокойным лицом, это был начальник лагеря. Чили организовали бригады. Некоторые женщины, непролетавшие в этапе, бросились записываться в повара. Они соорудили нам обед: деревенский баланда и 400 гр. черного хлеба. Была организована баня, но воды было нечего - мало - давали лишь по 2 шайки, но мы были и этому рады. Организовали стирку. Поселилась в бараке, где было 300 человек. Устроилась с Элей на верхних нарах. Работа наша заключалась в приведении в порядок бараков и территории. Организовалась даже цветочная садица, и стала в нее работать. Начальник говорил: сажайте цветочки, чтобы было красиво. Как это не соответствовало нашему настроению!

Гаская тачки с навозом, разинал его руками, вскальвяя землю, я чувствовала себя очень плохо, начались у меня головокружения.

В это время нас лишили права переписки. Тревога за детей, родителей, полная неизвестность о судьбе мужа - ввергли меня в очень тяжелое состояние. Я искала единения, ночами почти не спала, но смогла смотреть на солнце, лес.

Однажды одна из наших женщин - Злата Школьникова - подняла ко мне и сказала: Елена, я давно ^{люблю} тебя. видно, ты же любишь своих детей. Пойди, нам нужно поговорить, во что бы то ни стало - выжить, чтобы вернуться к детям нормальными людьми. Сидеть в столовой всё, что даст. Злата висела ноги под руку и долго мы разговаривали.

Нужно сказать, что после этого стала бороться со своим угнетённым состоянием.

У нас появился оперуполномоченный. Его резиденция находилась в деревянном домике в середине лагеря. Он начал вызывать к себе некоторых женщин, беседовать с ними. Так однажды вызвал Валю Баркелову. Валя имела медицинское образование, вместе со своим мужем окончила Военно-медицинскую Академию. Её мужа я знала, даже когда-то на базу в Академии танцевала с ним. Валя Сила очень порядочной женой. Но оперуполномоченный поставил старостой нашего барака.

Однако, старостой Валя пробыла недолго. Однажды оперуполномоченный вызвал её и предложил дать подпись о том, что она будет передавать ему все наши разговоры, недовольства, словом - доносить ему.

Валя отказалась. После чего её направили на работу ассенизатором, стала она чистить наши уборные. Жела она под уздцы лошадь с коляской, на которой стояли бочки, в руках она держала ковш, которым ей приходилось орудовать.

Несколько нас посетил холстый офицер. Видя, что мы на него не обращаем внимания, потребовал встать, что мы и сделали. Он нам сказал, что здесь будет организована швейная мастерская, мы будем иметь лагерную одежду. Женщины начали задавать различные вопросы, он постался поскорее от нас избавиться.

Мы начали работать в 3 смены: были брики и телогрэйки.

Однажды к нам приехала какая-то женщина - армёнка с инспекцией. Мы выслушали её свое восхищению, на каком основании нас лишили переписки, в приговоре этого нет, мы считаем подобное беззаконием. Говорили, что все мы прежде работали добросовестно, не жалели сил, нас оторвали от детей неизвестно за что, да еще не дает переписку. Она нас выслушала внимательно и сказала - вы скоро вспомните, что я была у вас.

И действительно, через несколько недель нам Сила разрешена переписка.

Первая женщина, получившая письмо, прочла его вслух, всему бараку. Все плакали. Нообще- то мы раньше писали письма и передавали их оперу, но кто-то увидел их у него, связанными пачками. Тут-то они и сказали, что мы лишили права переписки. Еще несколько женщин получили письма из дома, для того получила, а мне всё не было вестей.

Однажды спор вызвал к себе одну из женщин и показал ей письмо моей матери ко мне. На конверте не было написано, кому письмо, но от кого, т.е. обратный адрес был. Надо было догадаться, кому же это пишут. Я представляю, в каком душевном волнении мама писала это письмо. Спер. очень удивился, что в 75 лет можно писать таким красивым почерком и так интересно и толково. Так наладилась моя связь с родителями и детьми. Начали мы получать и посылки, жена спера их обсыпывала, как ей не стыдно было это делать!

Селя получала посылки больше, чем я, но всегда со мной делилась.

В это время мои родители и сестра Валя взяли к себе мою племянницу, дочь моего брата Виктора, которого на высылке в Абдулино арестовали. Сейчас я живу у неё, помогая воспитывать троих сыновей. Особенно люблю младшего Серёжу, которого воспитывала почти с самого рождения. Сейчас Серёжа учится в Ленинградском университете на филологическом факультете.

Оперуполномоченный иногда приходил к нам, вступал в разговоры. Некоторые женщины говорили, что они ничего знать не хотят о мужьях, т.к. из-за них сидят в лагере, но тут вступали в разговор другие, которые доказывали, что наши мужья честнейшие люди и преступления совершили не могли. Спер говорил: забудьте о них, вы их никогда больше не увидите.

Сначала в лагере политика была такова, что нельзя было улыбнуться, не то что засмеяться - сейчас же останавливали, мол нечего веселиться врагам народа. Потом неожиданно всё переменилось. Вызвали артистов, которые среди нас были и приказали устраивать концерты. Но все хотели посыпать эти представления, оставались лежать на нарах. Тогда приходил начальник и заставлял идти "развлекаться".

Однажды к нам прислали девочку-подростка. Мы начали плакать.

Особенно пахала одна женщина, у которой была такого же возраста дочь, и ей случилась истерика. Наша женщина - врач психиатр Ирина Петровна бросилась к ней, уговаривала, била по щекам, но та успокоиться не могла, дико кричала. Всё нас загнали в барак, а Ирина Петровна увезла Сольницу в отдельный домик, приспособленный для психических больных. На другой день несчастная вернулась к нам.

Была у нас одна женщина - Лида Блюмберг. Она чуть ли не с 16 лет была членом коммунистической партии. Работала она перед арестом преподавателем экономических дисциплин. Верила, что коммунисты не будут поступать несправедливо. И вдруг - арест мужа, а затем и её. Лида к нам приехала с этапом жён из Сталинграда. Её попутчицы рассказывали, что Лида в тырьме вола собиралась очень беспокойно, требовала свидания с мужем и дочерьми, но ей не давали. Тогда она набила стояно и начала его есть, но другие жёны этого не допустили. После этого ей все-таки дали свидание с мужем. Так и большинство других Лида получила 6 лет. А за что? Страна говорила, что досыпа накормила её только советская власть, а она ей честно служила.

Этапы мы все прибывали. Много приезжало с Кавказа, жёны всех нарисов. Я была знакома с женой председателя совнархоза Тамарой Гахиановой и женой секретаря комсомола Тамарой Гусейновой.

Позднее приехала еще группа, среди которых была Бекзодьян ария Степановна - пожилая седая элегантная женщина, очень хорошо воспитанная, обаятельная, в прошлом учительница. М.М. Литвинов говорил так: если бы все женщины могли себя держать так, как М.С. Бекзодьян, то нам не было бы стыдно за границей. Муж Бекзодьяна по имени Ленина и на средства партии окончил в Англии юридический факультет университета. Он 6 лет работал полиграфом в Норвегии, потом был переведен в Париж, где занимался какими-то торговыми делами. Вот оттуда он читает французскую газету / это было в 1937г./, что начали арестовывать жен, что они сидят в Бутырской тюрьме. Перечислил некоторые имена и фамилии этих женщин, а их мужья работали прежде за границей. Он выwróciл газету и сказал: какая гнусная провокация! Я хочу провести Октябрьские праздники со своим народом! Написал он Сталину письмо, просил разрешения приехать к 7 ноября в Москву.

Прислали, сходят со ступенек международного вагона - и нам подходит все в штатском, предъявляют ордер на арест и уводят. Две недели пришли и за Марией Степановной, тоже предъявили ордер на обыск и арест и увезли в Бутырскую тюрьму. Открывается дверь в камеру, она входит и видит, что там сидят все те жёны, о которых было написано во французской газете. Мужа Марии Степановны звали Захар. На воле остался ее сын, он ей присыпал посыпи. Книги я у себя на нарах под подушкой находила что-нибудь счастье, значит, Мария Степановна получила посыпку и делится со мной. Одна ли сын присыпал ей интересную книгу: история дипломатии. Мы в свободное время читали вслух.

Наша женщина вскоре после приезда в Томниковские лагоря сочинила такую песню:

Мы приехали сюда, ох, здрасте,
Ставить свои горы, ох, здрасте,
Кому восемь, кому пять, ох, здрасте,
Ничего нельзя понять, ох, здрасте!

Все кто-то написал большее и трагическое стихотворение, там были такие слова: "я никогда не была врагом трудового народа!" К соглашению забыла это стихотворение.

Так, жён, в Томниковских лагорях на нашем 4-ом участке оказалось 1000 человек, из них 10 человек сходили с ума. Одна все ходила с безумными глазами и начала подушку, как будто это ее ребенок. Когда приходил начальник лагоря, она ему угрюмая, говорила, что напишет Сталину и тот его накажет за то, что он собрал столько невинных женщин и держит их в лагере. Ирина Петровна сказала, что она берегадежна. Ее связали и увезли в психиатрическую больницу, больше мы ее не видели. Остальные женщины болели временным психозом, у них были слуховые и зрительные галлюцинации, они разговаривали языком со своими детьми, которые их звали и манили к себе. Ирина Петровна запирала эти женщины в свою комнату через пристенное время они разговаривались между собой и садились на кровати у окон.

Под вспоминкой Барии Эразмовны/ или Эрастовну/ Чалецкую, которая была женой председателя исполнительного комитета Ленинграда. Видите, она перед арестом знала побольше, чем мы, предполагала свою участь. Позвонила по телефону своей сестре - Ольге Эразмовне Бакаловой / все мы знаем этого прославленного лётчика. Так вот, она просила сестру, чтобы та взяла к себе её 10-летнего сына, если он останется без родителей. Однако, в этом ей было отказано. Потом она говорила, что Бог наказал всё-таки Валерия Чалевича.

А ведь даже посторонние люди брали таких детей. Да хоть Екатерина Скакоровна; моя Таточку, когда она осталась одна во время блокады, взяла к себе чужая нам женщина, мать Таточкиной подруги по школе - Аллик Елизавета Васильевна. Но Таточка была уже крайне истощена, затем попала в больницу, где и умерла от дистрофии.

Однажды прошёлся слух, что силихахова. Некие женщины радировались, ведь он погубил столько невинных людей. Лиза Бломберг кричала на весь лагерь: "одного подлеца убрали, теперь очередь за вторым - за Вышинским!" Дело в том, что некоторым женщинам после ареста их мужей удалось пробиться на приём к Вышинскому, который объяснял ситуацию так: "ваш муж был на грани несовершенного преступления." Додумался ли кто-нибудь до подобного!

Кавказские женщины, узнав, что вместо Елова назначен Берия, легли на свои нары, закрылись простынями и начали плакать. Они говорили, что знают Берия, как ужасного негодяя и ждать хорошего нельзя.

С нами сидела Аня Пугачевская, ее муж был генералом, комендантом города Ленинграда. В первые дни она была в лакированных туфлях, в красивом голубом японском халате, она была очень красивая с большими черными тоскующими глазами. Мне Аня рассказала, что, когда власть брали больше, то ни одна жена коммуниста не была арестована, а вот при советской власти-меньше людей, которые ничего не совершали противозаконного, тоже оказались за решёткой. Аня рассказывала о своём сыне, который учился в старших классах средней школы. Они просил Анько не ходить в школу Согово и нарядно одетой, чтобы она не выделялась среди людей. Она хотела быть такой, как все. К дню 8 марта они всегда дарили подарки домработнице, а матери-нет, считая её барствующей.

В лагере Аня лежала на нарах, очень опустилась, перестала даже ухиватьсь. Она начала проклиять своего мужа, за что мы ее очень осуждали и открыто ей говорили об этом.

Таких домохозяек, как Аня, было очень мало. Большинство женщин всю жизнь работали. Много было врачей, учителей, которые несли своему народу культуру, знания. Вспоминаю еще одну женщину еврейку. Она с мужем после 1930 г. бежала в Америку, но вернулись они в 1938 г. Жили они в доме политкаторжан. Судьба её такая же, как и остальных женщин, тоже получила 8 лет. Сначала она была уверена, что это недоразумение, потом замкнулась, ходила угрупжал и одинокая.

Вспоминаю и Фанку Абрамовну Боллер. Наша матья немного знали друг друга по работе. Фанка Абрамовна была зубным врачом-стоматологом. В лагере она и работала по своей специальности, была отличным специалистом и добрым человеком.

Как и большинство женщин, я носила лагерную одежду на кожной машинке. Работали мы в 2 смены. Для меня начальная смена была очень тяжела, т.к. днем я почти не могла спать. Всё случившееся с намиказалось невероятным, испепели и жутким. Одновременно мысли о детях. Однажды мы сняли с машинки и назначили бригадиром. Я стала прилагать готовое вещи, видела, как женщины старались сделать сольё и лучше, види о, думая, что начнут освобождать, учились труду и ничего хорошего не ждала.

12 сентября 1939г. нас стали готовить к этапу. Часть женщин оставили в Териоках, часть отправили в неизвестном для нас направлении. И тоже должна была уезжать. Но приходилось разлучаться с Элей. Это было для нас обоих тяжело, ведь мы были друг друга и на воле. Снять неизвестность, тревога: куда зачем?

Нас, большую группу женщин, повели стрелки с собаками. Шли мы долго, дорога Сибиря грязная, т.к. недавно прошёл дождь. Баконец, пришли на пересыльный пункт №16. Там нас встретили военные и направили в Сарат. К нам пришел спортивно-оздоровительный, долго с нами разговаривал,

Си даже говорил: пишите, жалуйтесь, кто стучится - тому отворится. Предупредил нас, чтобы ночью в туалет ходили только группами, не по одиночке. Мы думали, что нас увезут скоро, но пробыли на пересыльном пункте около 3 недель. Говорили, что в ГУЛАГе был представитель Сережского лагеря флиров, который добивался, чтобы в его лагерь направили именно жен, ведь это были трудовые добросовестные работники. До нас в Сегежу уже прибыла партия жен-пятилеток, показавшая свою работоспособность. Несколько от нас отделили врачей. Но мно подошла Фания Абрамовна Веллер, посмотрела на мои ноги. Туфли мои после грязной дороги развалились и имели халкий вид. Фания Абрамовна сняла свои приличные туфли, отдала их мне, я не сразу. Но Фания Абрамовна наставила, предполагая, что их, которых отделили, отправят домой. Однако, домой их не отпустили, что мы потом узнали. Их отправили в другой северный лагерь, где требовались врачи.

Наконец, нас посадили в теплушку и повезли. Коридор в пути очень плохо: давали соленую рыбку, 400г. хлеба, а питьё было ограничено, видите ли, конвоиры боялись, что мы заболеем от плохой воды.

В Сегежу мы приехали ночью, шёл дождь. Встречали нас воинами, построили и повезли. Это был огромный лагерь, огороженный колючей проволокой. Одну из сон и предоставили нам, женщинам. Здесь бараки были лучше, чем в Териоках. Деревянные здания, сессии небольшие. Женя поместили в коттедже, где было 16 мест, стояли 4 вагонетки. Мое место оказалось внизу, рядом со мной лежала Татьяна Николаевна Третьякова - жена крупного инженера из Москвы. Сама она была чертёжницей, и её был красивый голос-меццосопрано. Её муж был много старше ее, чуть ли не на 40 лет.

В конце барака была теплая уборная, но с выгребной ямой, без канализации. Была баня и столовая.

Через проходную нас выпускали на работу. Большинство женщин работали на Амбулкомбинате, или же из особой бумаги под чекинг и так перевыполнили план, что их вознаграждали урки, которые кричали: "надо было на воле работать." как будто мы на воле не трудились.

Недалеко был виден новый город Сегежа, туда гоняли наших женщины на общие работы. Например, Елена Михайловна Гавид, жена Заречтова профессора из сель. из института/агроном по образованию/ руководила работами по освоению. Ночь её Татака заезжала в Ленинграде к своим родителям, хотела винить Таточку и привести её ко мне в свидание, но Таточку не отпустили родители.

В Сегеже многие женщины были направлены секретарями к различным начальникам отделов. Счетчине работники оказались в бухгалтерии и работали отлично.

В Сегеже был небольшой состав вольнонаёмных, а в Большинстве - бывшие заключённые и их жёны. Женя направили сначала на насосную станцию, где я хлорировала воду, а потом перевели делуркой на грелельную установку - это противопожарное моечническое устройство. Мне дали РПР-овский наск. На обед иногда даже давали котлету.

Наши женщины приободрились, подтянулись, даже похорошела. Появились артистов, образовалась группа культработников. Они давали иногда концерты.

Однажды из Ленинграда приехал офицер-инспектор по грелельным установкам. Я встретилась с ним в конторе. Вольнонаёмные уходили с работы в 5 часов вечера, а мы работали до 7 часов. Этот офицер дождался ухода вольнонаёмных и начал спрашивать меня: где я жила в Ленинграде, какова моя семья, с кем остались мои дети и т.д. Потом он сказал, что вскоре возвращается в Ленинград, живёт недалеко от нас и может передать от меня письмо моим родителям и детям. Он сказал, что хочет сделать хоть что-то хорошее для меня. Я сначала отказывалась, но не смогла устоять, хотя я очень боялась. Я сделала ему письмо и подарки для детей: Таточке я вышила к воротничку, а Елене я связала носочки. Этого человека звали, кажется, Николай Григорьевич. Он же сказал, что через 2 месяца вновь приедет в Сегежу, поэтому и просила маму прислать мне старую вязаные кофточки, я им их распустила и связала что-то детям.

Кроме того, я просила маму написать мне, что у нас был "дядя Коля", чтобы я знала, что он у них был. И не спала ночами и очень боялась, что меня накажут за нелегальную переписку. Через 10 дней пришла от мамы открытка, где мама писала, что к нам заходил дядя Коля, пили чай и приятно провели время. И успокоилась.

Николай Григорьевич вновь приехал в Сегежу через полтора месяца. Он рассказал, что дверь ему отворила моя мама. Н.Г. спросил о моих детях, мама провела его в столовую, где на диване лежал Геня, у него была ангина. Через некоторое время пришла и Таточка, которая была у подруги, там несколько девочек занимались танцами. Таточка показала Н.Г. несколько балетных па. Николай Григорьевич мне сказал, что моя дочь - красавица. И понимаю, что Н.Г. хотел мне сказать что-то приятное, т.к. красавицей Тата не была, правда, была очень миловидна. Из своего портфеля он вынул вязаные кофточки, которые я просила, а также чеснок и конфеты, это передали мои родители. Н.Г. попросил меня вскипятить чай, поставил на стол вкусные бутерброды. Мы сидели и разговаривали, Н.Г. содро рассказывал о моей семье.

Был в Сегеже такой случай. Тамара Гусейнова / о ней я уже упоминала/ работала секретаршей у начальника Климова. Работала хорошо, имела пропуск, ходила по всему заводу. Однажды пришла в барак расстроенная, говорила, что скоро её снимут с этого места, т.к. вышел какой-то приказ, что заключённые не могут работать секретарями у начальников. Она пришла в ужас, что ей придётся ходить на общие работы под окрики стрелков и лай собак. Однажды я дежурила ночью. На заводе я встретила Тамару. Она шла нарядно одетая, в белой блузке, очень приветливо со мной поздоровалась, хотя близки мы с ней не были. Пошла Тамара в кабинет Климова.

Отдежурив ночь, я утром пришла в барак и легла спать. Днём я сплю очень чутко. Слышу какой-то шум, взволнованные голоса. Я проснулась и мне наши женщины рассказали, что Тамара отравилась в кабинете Климова. Она каким-то образом набрала таблеток от бессонницы и выпила эти таблетки все сразу. Когда утром Климов пришел на работу, дверь кабинета была заперта. Дверь взломали и увидели Тамару, скривившуюся на диване. Сейчас же вызвали врачей, те начали делать промывание желудка. Она не умерла, но долго болела. К ней приглашали дежурить казахских женщин, дежурила и Мария Степановна Бекзодьи.

В Сегеже хорошо наладилась переписка с родными, мы получали письма и посылки. Дочь моя писала мне свои стихи, ей было 9 лет. Одно стихотворение я помню:

Милая мама, голубка моя!

Вспомнишь ли ты обо мне?

Я вспоминаю тебя

В школе и даже во сне.

То вспоминается мне лето в Горах

И ты пойдешь со мной в ясок,

Иль в садике, читая книгу,

Ногой качаешь гамачок.

То вспоминается мне зимний вечер

И ты пойдешь со мной гулять,

Иль рукоделием займешься,

Или начнешь всем вслух читать.

Но всё прошло. И слышу

Будит меня уж бабушка, крича:

Вставай, уже гудело восемь,

Скорей, ведь в школу уж пора.

Я уже писала, что после ареста моего брата Виктора, мои родители взяли его дочь Лёлю к себе. Она способная, во всех школах училась отличницей, с лёгкостью писала стихи. Под ее руководством мои дети издавали журнал "Гурийчик котёл", где рисовали рисунки, писали стихи, рассказы, юмористические истории и присыпали мне. Там же женщины с удовольствием читали эти детские произведения, то скрашивали жизнь.

Однажды я дежурила ночь, решила обойти объект. Сняла свой пальто. Пальто было старое, но на нем с кентуровым воротником, тёплое. Но-весила я его в дежурке на гвоздь, дверь заперла, ключ взяла с собой. Попала ввязаной кофточке. Вернувшись обнаружила, что дверь взломана и открыта, пальто нет, его украли. Был мороз. Как идти в лагерь? Я сумела сообщить своим женщинам, что меня обокрали, просила принести что-нибудь теплое. Мне прислали телеграмму сего срока. В ней я и побежала в лагерь, промёрзла до костей. После этого у меня начались сильнейшие приступы ишиаса. Со мной работал один молодой мужчина, он отбыл свой срок и работал по найму, жил в соцгороде. Он увидел на ком-то моё пальто, сообщил оперу. Через некоторое время меня вызвали и возвратили мне украченное у меня пальто. Я не помню имя этого человека. Он мне сказал: пусть меня избьют, убьют из-за вашего пальто, но я не мог видеть, как вы мучаетесь.

Приехал опять Николай Григорьевич, привёз весточку из моего дома. Стесец просил передать ему книгу, которую он раньше подарил Лёле в день её 14-летия, а потом с Лёлиного согласия выслал мне. Это была книга Климентия Аркадьевича Тимирязева, Лёле она бы пригодилась попозже. Стесец сделал там надпись:... для развития вкуса к наукам для понимания места человека в природе... точно я забыла текст надписи. И подписался: в надежде на твой растущий интеллект и трудолюбие - твой дед В. С.

Я передала с Н.Г. эту книгу отцу, о чём сожалею - скоро началась война, мои родители и дети умерли голодной смертью, книга пропала.

Когда началась война с финнами, нас начальник Климов собирая, говорил доброжелательно: "разбить финнов нам ничего не стоит. Мы здесь позавтракаем, а у них - пообедаем. Будьте спокойны!"

Когда началась война с немцами, Климов опять нас собирая, но речь его была совсем другой. Он даже произнёс такие фразы: может быть, кто-нибудь радуется, что война? Но никто, конечно, не радовался, все мы были напуганы, угнетены, или надеждой на победу. Климов предупредил, что мы будем эвакуированы, а пока нас обязали рвать в зоне щели для того, чтобы прятаться при бомбежке.

Если мы вырвались, но не прятались в них: немцы бомбили завод и соцгород, но ни одна бомба не была сброшена на лагерь. Мужчины З.К. вылезали на крыши бараков и ходили по крыши во время бомбёжек, мы этого не делали. Бомбёжки участились. Скоро нас женщины погрузили в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Мы сели в теплушках, лежали на двухъярусных нарах, у борная была в уголке за деревянной загородкой. Борвались плохо: рыба соленая и кусочек хлеба, похожий на замазку. Пить давали очень мало. Прожажали с неделя. Гочько на одной из станций к нам вошёл стрялка и сказал, что несколько женщин могут выйти, взять свои деньги. Тут недалеко есть магазинчик, может сможете что-то купить съестного. Тоже вышла с сумочкой. Образовалась довольно большая группа, из каждого вагона выходили 4-5 женщин. Мы, окружённые стрялками, двинулись к ларьку. Свободные люди, видевшие нас, плакали, бросали нам деньги, плачали. Мне какая-то женщина бросила несколько кусочков сахара. Но если что купив, мы возвращались в теплушках, разделили всё съестное на каждого, получилось по капельке.

Хали мы долго, наверно, месячи, голодные, грязные, ищущие. Всюду встречались лагеря. Ноезд останавливался, наше начальство Соловьёво договаривалось, чтобы приняли нас. Но нас нигде не принимали и мы хали дальше. Так мы добрали до Караганды. Под Карагандой был огромный лагерь для заключенных. Здесь было больше миллиона гектаров земли, огромное количество скота, свыше трёста тысяч, молочные фермы и свинофермы, птицефарм и даже верблюды.

Мы остановились на пересыльном пункте Карабас. Это большая зона, огражденная колючей проволокой с бровкой и проходной. Внутри стоят деревянные бараки и землянки, цепочка самых примитивных деревянных уборных. Всё дальше - степь, колышится ковыль, нет ни деревца, видны виднются высокие солонки. Где-то далеко щелочат горящих электрических лампочек - это зона строгого режима.

Летом в этих местах жарко, дождей мало. Зимы холодные, температура до -40 с сильными буранами. В 1941 году были ужасные бураны. Женщины я женщины с отмороженными руками без пальцев и с отмороженными ногами тоже без пальцев. Ходят они всегда в сапогах / и зимой и летом./ Это женщины-возчики, они подвозили корма и животноводческим фермам. Попав в буран, они торяли дорогу и замораживали.

В лето 1941 года почему-то был непрерывно дождь. Нам, прибывшим, пришлось расположиться на улице, т.к. бараки были заняты людьми, прибывшими раньше нас. В других загород для нас - хоби- были отдельные зоны. Здесь же мы были вместе с уголовниками. Нас поразила площадная ругань, которая висела в воздухе. И слушали эту ругань стрелков, Стрелков и заключенных, находились под дождем около своих вонд, кое-чем прикрывались, совершенно проголодавшие. Здесь мне пригодилось мое зимнее теплое пальто. Гадкий вечер нас пересчитывали, выстраивали длинной вереницей. Был такой случай: одна женщина сподзала на проверку, стрелки ее искали, а когда она пришла, то стрелок несколько раз ударил ее в спину. Наша женщина возмутилась, вызвали начальника, кричали о бессаконии, о рукооприкладстве. Начальник нас уговаривал не поднимать шум, дескать стрелки- малограмотный человек, больше такого не повторится, мы его сами пакаем и пр.

Так под дождем мы мокли несколько дней. Однажды нам сказали, что есть конюшня. На одной стороне стоят в стойлах лошади, а на другой стороне в стойлах никого нет. Кто хочет, тот может в этой конюшне спрятаться от дождя. Мы согласились и нас вывели за зону, где была эта конюшня, там мы пробыли несколько дней и даже не было у нас проверки. Потом нас перевели в деревянный свинарник. Там не было, лежала сухая солома, которую мы себе постелили, развесили свою мокрую одежду. Жило было, наконец, заснуть и отдохнуть. И лежала с старой зимней ливайловной лавицей, женой саратовского профессора, она знала моего отца.

Каждый день приезжали за людьми и увозили их по разным формам, скоро освободился один из бараков и нас туда послоли. Так на этом Карабасе мы пробыли долго, голодали ужасно, ведь мы не работали. В день получали 400 гр. хлеба и раз в день тарелочную баланду - это вода, в которой ложка пшеницы и несколько кусочков капусты. В 1/2 часов дня привозили бочку на двух колесах и женщина, сидевшая по бытовой статье, раздавала нам этот обед. Все бросались к этой бочке, вставали в очередь в надежде получить еще добавку, когда всех накормят. Али, ворное сказаться - пили, прямо из котельна. У меня котелька не было, а он был совершенно неободим. И свой берет сменяла на котелок - большую консервную банку с ручкой из проволоки.

Иногда нас брали на переборку овощей, там можно было съесть морковку, принести в кармане картошку, а потом её испечь или сварить. Когда собирались в бараке, начинались бесконечно разговоры о еде. Кто что готовил, рассказывались рецепты приготовления кухни. И изногдала от этого, да и не одна я. И кричали: прекратите гаечное питание.

Однажды меня вызвали к самому главному военному, работавшему в управлении - Клатину по поводу работы. И сказала, что никогда практически состоянием, а занималась педагогической работой. Он мне сказал: "мы постараемся вас использовать по специальности, если, вас вызовут."

Вернувшись в зону, я была окружена нашими концлагерями, которые расспрашивали, кто меня вызывал, зачем. И всё рассказала. И некоторые, которые до этого со мной не общались, подошли и стали просить, что если я устроясь, то и их бы взяла из Карабаса, уверяли, что знакомы с сельхозработами. Так всем остоочертела изнь в зоне.

Однажды нас повели на медосмотр. Врач / пана же лейтина/ меня осмотрела внимательно и спросила, на что я падаюсь. И сказала очень худа и продолжала гудеть. И ответила: практически здоровая.

По эта врач назначила мне "слабосиловку" - это 500 гр. хлеба на 10 дней. Получив усиленный пайк, я его тут же съела, так была голодна, а потом у меня была рвота.

Каждый день ониции вызывали и куда-то увозили. Большинство забирали на овцефермы. Мы были наслышаны о Срудольссе, который об-

хели свиц, это очень заразная и опасная болезнь. Многие наши женщины заразились, а некоторые даже погибли.

Наконец, вызвали и меня. И с мужчинами - урками направлялась в Самарку, где было несколько ферм крупного рогатого скота. Дошли мы до Сарепты, там почевали, спали на нарах. Меня обворовали - сумели утаить вязаную кофточку и замшевые туфли, даже сумели стащить перчатки.

Ко мне подошел министр финансов, кажется, грузин с Акваза, узнав что я из "иси". Но он рассказал, как над ним издевались, избивали в тюрьме. Узнав, что я зоотехник, он уверил меня, что в Самарке я хорошо устроюсь.

Пересохевав, мы двинулись дальше. Всего мы прошли километров 65-70, поздно вечером прибыли в Самарку. Здесь меня в зону не впустили. Просто в степи стояли саманные домики и деревянные, ковдальские были фермы крупного рогатого скота, стояло 4 стодневых двора и маслозавод. Впечатление такое, что здесь живут люди на воле. Зона тоже была, окружная колячей проволокой, бровкой и собаками. Это так называемый ГУР для уголовников со строгим режимом.

Меня направили в какой-то барак, где стояли топчаны, но все они были заняты женщинами, которые отчаянно ругались. Но пришлось ложь на земляной пол между топчанами и спать на своем кулаче. Конечно, сна не было, ночь прошла в дремоте.

Третий нарядчик направил меня в управление к старшему зоотехнику и указал, куда нужно идти. Это был деревянный дом типа барака. На одной из дверей была табличка: "старший зоотехник", туда я и вошла. Ст. зоотехника не было. За другим столом сидела синий зоотехник по племенному делу - Агния Матвеевна / амилий забыла / и еще две женщины, которые что-то писали. Они меня оглядели с ног до головы. Быстро вокруг плотный мужчина средних лет с проседью и синими глазами. Это и был старший зоотехник Иван Васильевич Лисин, недавно освободившийся, сидел по бытовой статье - 3 года. Так он ранее директором большого совхоза под г. Горьким. Я с 1941 и до 1948 гг. работала под его началом. Это очень хороший человек и специалист. Он считал главным оберегать тех сотрудников, кто хорошо работает, от лагерных неприятностей, а их огромное количество. Не повезло, что на моем пути терновом встретился этот человек.

И ему все рассказала о себе. Он долго смотрел на меня изучительными глазами, сказал Агнии Матвеевне: направьте ее в Меркеле к Морозовой, пусть подучится практически искусственно осеменению.

Как только я ушла, женщины сказали Ивану Васильевичу, что из меня ничего не получится, т.к. я слишком интеллигентна. В дальнейшем эти женщины стали моими друзьями, но я продвинулась по службе, а они остались зоотехниками фермы.

В этот же день я выехала на телеге в Меркеле. Там документы отдали вожчику. И вчера мы были на месте. Здесь находилась ферма: 4 саманные базы / стодневые дворы /, сепараторный пункт, осеменительный пункт, который состоит из манежа с глиняситным полом, лаборатории с деревянным полом, отдельной кабинки для техника - осеменителя. В лаборатории шкафы, где находятся инструменты, микроскоп, спирт, хроматический раствор и пр. Полагалась техничка / уборщица /

Лот на место уборщицы я и была прислана. Должна я была мыть пол в лаборатории, сливать пол в манеже, заниматься с микроскопом, держать инструменты в порядке и практически учиться искусственно осеменению - была такая договоренность. Уборщица - пожилая женщина - татарка была очень огорчена, что из-за меня ей придется идти на общие работы, мне это было очень неприятно. Морозова, молодая рабочая женщина, сидевшая по бытовой статье, распорядилась иначе: оставила я татарку и меня у себя, сказав, что договорится с начальством. Здесь меня сразу подкормили. У нас стояли 4 быка, им полагалось по 20 литров обрата и красная морковь. Я могла налить себе кружку обрата и съесть, а также и морковь. Потом я познакомилась с татарницами, которые уговаривали овсяным киселем, который готовили для татар. Здесь я перестала голодать. Полина Морозова сказала, что её заставляют заниматься с животноводами, преподавать им кориллонов и

и разведение крупного рогатого скота, а она этого делать не умеет, поэтому поручает мне вести эти занятия. Дала мне полинка кое- какие книги. я составила учебный план. Писала его на фанере, т.к. бумаги не было. Это дело knowno у меня хорошо. Обслужба была заинтересована, даже начальник участка приходил слушать меня. Через несколько дней приехала Агния Матвеевна, по видимому, проверить, как меня принял боровова. привезла селедку и картошку, все это мы вместе и съели. Держалась она очень просто, по товарищески. Поставила меня брать сперму от быков, убедилась, что я умею хорошо работать с микроскопом, просмотрела планы моих занятий с животноводами, дала мне приличной бумаги, какие-то формы для отчетов, на которых можно было хорошо писать.

Раз в день вечером приходил стрелок, проверял: не обегали ли мы. Так и жили в степи, без всякой зоны, как на вольной вынужке.

Приехал мой начальник Лисин. Сделал мне замечание, что в манеже плохо смазан под. видимо, он не знал, что есть еще одна уборщица, а я промолчала. прочла мои учебные планы, одобрил их, сказал, что их распечатают и рассыплют воспитникам всей лагеря, чтобы по ним проводили занятия с животноводами. дал мне книгу: искусственное осеменение Илованова. это сложная серебряная книга. Илованов большой учёный, доктор наук. В Москве его именем назван научно-исследовательский институт. я начала изучать эту книгу и проучила. Через пару месяцев Иван Васильевич перевёл меня в Самарку. Я попала в спорный пункт по искусственному осеменению, потому заведовал Николай Иванович Казаров, заключенный. Он был арестован в 37 года, когда был студентом, получив 10 лет. Принял он меня плохо: или боялся конкуренции, или считал меня стуканом. Он так и сказал: "принимают тут всяких, а потом З отделение освобождено о всех деталях моей жизни."

Работать с ним мне было неприятно, так как долго он мне не доверял. Правда, расстались мы уже друзьями. Начальник отделения - Брагов - собрал всех работников: агрономов, зоотехников, счетоводов и др. и заставил сделать отчеты о своей работе. Мой доклад очень понравился Брагову, т.к. я рассказала о применении метода Илованова для исследования быков- производителей. Лисин был очень доволен. Когда докладывал Казаров, то Брагов к нему очень придирался и угрожал, было впечатление, что он хочет его посадить в зону или в парцер. Поэтому я сочла нужным выступить в его защиту: я принесла Казарову благодарность за помощь в работе, в освоении нового для меня дела. В последствие Казаров мне говорил, что, если бы не я, то ему пришлось бы плохо. "Многим я помогал" - сказал Казаров, но никто не сказал доброго слова, а только я." У Казарова я пробила несколько мосацсов, а затем Иван Васильевич отправил меня дальше в степь, где паслись стада тёлок. Там построен осеменительный пункт, пригнали быков. Мне дали бичатника и уборщицу. Гаведущий этого нового пункта была моя же зена - инсайдера Петрова Аддинова, с которой я сдружилась. Охраняли нас в стройке - помимо мужчины, относившиеся к нам они прокрасно, даже иногда покупали нам кое-что, когда отдавались в пособия. Начальство приезжало редко. А верхом разбегалась по степи и проверяла тёлок, а потом их осеменила. в Карагандинском лагере это была моя первая самостоятельная работа. Осенью ветврач прверил сплошность. Результаты оказались отличными. После этого меня отправили на берегу Еруди рабочать зоотехником и тохином - осеменителем. Там произошел следующий случай: Иван Васильевич как-то долго смотрел на мои ноги, которые были в разодраных ботинках. Он стал хлопотать за меня. Через несколько дней меня вынес забхоз и выдал мне очень приличные спортивные ботинки. Для заключённой это был настоящий подарок, как все заключённую, имена толстогрейку и ветчине брюки. Это довольно теплая одежда, но при каких-то поездках / а мне часто приходилось ездить/ промораживалась до костей: коврики в 40 градусов, да еще Сураны. Иван Васильевич выкупотал нам полурубки и дал по черные, а светлые. Ветврач получила стот полурубок, а я - нет.

Приезжает Иван Васильевич, спрашивает: получили ли мы полурубки. Я говорю, что нет. (насизвается, вам забхоз забыл себе полурубок, предназначенный для меня). Иван Васильевич пошел к нему, там кричал и

возмущался, что завхоз бегом прибежал и отдал мне полувубок.

Искусственное осеменение в 40-х годах начало усиленно развиваться, к нам часто приезжали проверяющие. Однажды приехал офицер, державшийся бесцеремонно, смотревший свысока. Я видела, что он не понимает того, что я ему говорю, что специального образования он не имеет. Когда стал уезжать, то обратился ко мне, показав на тулуп: "подайте мне тулуп!" Иван Васильевич сквачил тулуп, подал ему и сказал: "одевайтесь, барин!"

Присягал гг. соотечник из управления, всегда был великим, расспрашивал меня, как бы учился у меня. Разных людей доводилось мне повидать. Большинство из них не были плохими, хотя встречались и отъявленные мерзавцы. Был в лагере целый штат доносчиков, их внедрили во все отрасли. Однажды я вошла в наш медицинский пункт и увидела там молодую девушку очень истощённую. У неё на голое тело была надета телогреека, когда она раскрылась, то были видны гнойные нарывы на теле. Это была Эльза Боровая. Ее родители работали разведчиками за границей. Отец был арестован в 1947 году, мать сожгла с ума, а Эльза, как социально опасный элемент, попала в лагерь. Медельдер - наша жена. Её муж работал за границей, затем был арестован, а потом и она оказалась там, где я . Так вот, эта медельдер просила меня помочь Эльзе. Эльза только что была выпущена из зоны, ей дали слабосилюкву. Оказывается Эльза работала на одной ферме телятницей, в степи пасла телят. Однажды телят бросила, ушла в саманную постройку и ноги её казаха, к ней туда пришёл мужчина. Ехал нач. участка Врагов, увидел беспризорных телят, начал и Эльзу с казахом и посадил в зону, где Эльза совершило "допла." У меня скоро освободилась одна из телятниц, на это место мы и поставили Эльзу. Я её строго предупредила. Она очень хорошо понимала, что здесь не будет голодать. Ко мне Эльза относилась очень хорошо, с большим уважением, работу выполняла отлично. У нас сменился командир взвода. Эльза привыкла ко мне и сказала, что завербована в из отделением, дала подпись, но пока никому зла не сделала, а сейчас боится, что новый командир начнет вызывать по ночам и требовать от нее материала для создания контрреволюционных дел. Одна наша женщина Ткачун / из высокопоставленных/ получила второй срок - 10 лет. Суда не было, видимо, судили заочно. Её увидела на Прудах, она начала работать в Суххалтерии. Я пригласила её в свою кабинку и накормила, конечно, ни о чём не рассказывая. Однажды всех женщин - работниц у нас с фермы забрали, прислали мужчин. Была мужская форма. Один из скотников сказал мне, что к нам назначен новый бригадир Свиридов, так он невороятный подлец и стукач. Этими стукачами мы были окружены. Работал Свиридов хорошо, но его ненавидели мужчины, да и с нами у него были конфликты. Ато кого потопили, я не знаю, но его потом перевели на другую ферму.

Однажды ко мне прислали молокоприёмника - старика. Мне сообщили, что он стукач. Однажды вечер я собирала на разнорядку бригадиров, молокоприёмников. Они входили в машину и там ждали, когда я освободусь и выйду к ним. Мы разбривали почему та или иная корова меньше дала молока, почему колеблется жирность, почему заболел теленок и пр. Этот старик, пока они меня ждали, начал политические разговоры. Однажды я вышла и сказала: "прекратить политические разговоры, здесь им не место. Лучше говорили бы о том, почему уменьшилась жирность молока!" После этого он прекратил такие разговоры.

Однажды на летней стоянке на Прудах обокрали мою учтчину Гакиль. У неё было очень хорошее синее пальто, короткое платье и кое что еще, что она берегла к освобождению. Все это было завернуто в простыню и лежало на топчане под подушкой. У меня был чемодан, который лежал под топчаном. Бычаник спал в пристройке около осенне-зимнего пункта. Я с Гакиль пошли, как всегда, в 12 часов ночи в сепараторный пункт принять молоко с последней дошки. Ночь была темная. Мы подводили итог за день. Почему-то раздатчица присоединилась к нам, посмотрела и ушла. Мы не обратили на это внимание. Пришли к себе в полной темноте, разделись, легли, спички у нас г

было. Вдруг Гахиль говорит мне, что её обокрали, что пальто нет. я напугала под топчаном свой чемодан. меня ничего не валили. и не сидели до рассвета. Утром сообщили командиру, привели стрелок с собакой. Собака повела от нас по тропинке к реке, а дальше след потерялся. вор переправился на лодку, видимо. Иван Васильевич очень удивился, что меня не обокрали, видно показали.

Гахиль попала ко мне таким образом. Она кончила институт рабочей профессии, чуть ли не с 15 лет была членом партии. ее муж был направлена на работу в Польшу, там был арестован и сидел там в тюрьме. Новое правительство его с кем-то обменяло и он прибыл в Москву, где его встречала Гахиль с дочерью Инной. В 1957г. он был арестован. Через несколько дней арестовали и Гахиль, которая получила 6 лет, как и я. она работала в Самарке в бухгалтерии. Однажды вызвал ее опер. и предложил сообщать все разговоры и дать соответствующую подписку. Гахиль была так возмущена, что стучала кулаком по столу, кричала: " вы арестовали моего мужа, честного коммуниста, так вам этого мало. вы арестовали и меня, да еще хотите превратить меня в стукача!"

На следующий же день Гахиль в бухгалтерии уже не пустили, а направили на общую работу: копать сибирскую яму, где я ее и увидела. я просила Ивана Васильевича направить ее ко мне на Пруды, я нуждалась в коровом учтчике. Гахиль оправдала мои надежды, работала хорошо, перешла из общего барака в мой кабинку и мы с ней прожили года два.

Странно меня у坚韧了, что я ничего не знала о своих детях и родителях. Всюна шла своим ходом. я писала в Ленинград, писала в Абдулино, где на высшем курсе жила моя новость. Писем мне не было. Однажды по какому-то делу пришлось привести мне в управление / написано исполнительно, вроде РП/ . Там на столе лежали письма для заключенных, среди них была моя открытка от Елены, моей племянницы. она писала, что пишет мне уже вторично, ответа не получала. Елена перед войной выехала из Ленинграда на лето к матери в Абдулино, чем и сохранила свою жизнь. Елену я и живу у Ели, ее семья стала мое родной. Так наладилась моя связь с Еленой, но и она в то время не знала ничего о судьбе наших ленинградцев.

Помочь мне Маруся с Елой тогда ничем не могли, сами бедствовали. я же сумела им помочь, будучи еще заключенной. я получала в месяц 50 руб. зольно-чайные за эту же работу имели в 10 раз больше. Газ в месяц нам привозили ларьк, где можно было купить пачечье, сахар, мыло, зубной порошок. я скопила 200 руб. перед 1 мая и перед 7 ноября у нас проводился обыск. В моем чемодане в коробке из-под зубного порошка лежали эти деньги. мы имели право иметь на руках только 50 руб. начальник пришел обыскивать, открыл чемодан, взял коробку, открыл ее, пересчитал деньги, насмеялся, закрыл и бросил ее обратно в чемодан. я думала, что отберут, но он этого почему-то не сделал.

Вскоре зоотехников фирм направили в Долинку на перенодготовку. Долинка - наш центр, здесь все начальство, управление, кинотеатр, столовая и пр. Зольно-чайный состав расположился в доме приезжих, а нас поместили в зону в барак. зоотехник одной из наших деревень - Байкарова Клавдия Фёдоровна - сидела по своему делу, недавно освободилась. она обещала мне переслать деньги Еле. я не успела их ей передать, т.к. она сразу отвезли в зону. Устроившись на нарах, я вышла на улицу, видя, что Клавдия Фёдоровна стоит недалеко от ворот с другой стороны. я подошла к Бровке и проголоске, смотрю на нее и на стрека. стрекот отвернулся, я бросила Клавдии Фёдоровне деньги и записку с адресом. все это я заворнула в косовой платок. деньги были отправлены.

в Долинке мы пробили дней 10 - 14: одни на занятия, бывшие интересные собеседования. на обратном пути в Самарку у меня начался приступ малярии и я попала в больницу. там мне пришлось пролежать 10 дней. Наконец, выздоровев, я поехала к себе на Пруды. Потом я получила письмо от Ели, где она писала: " мы должны тебе помочь а не ты нам. На эти деньги был куплен золотой платок, прошитый

у неб укрыли в бане. / Моя деньги были частью от стоимости нового платка./ Я была счастлива, что смогла еще помочь/ Мне было странно, что Леля ходит в платье. Леля писала, чтобы я не беспокоилась за детей, она смысла, что стариков и детей вывозят из Ленинграда. Так опять восстановилась связь с моей немецкой женой.

Я писала в Ленинград по нашему адресу - на Зверинскую. Однажды на мой имя пришло письмо. После цензуры оно попало к Ивану Васильевичу и начальнику отделения Брагову. Они садились его, а потом передали моей учительце Гахиль. Она боялась отдать это мне. Совершенно неснакомая женщина писала, что моя мама из моей квартиры, знала, что она пуста, все умерли. В почтовом ящике лежало письмо/ мое письмо/, она вынула это письмо, вскрыла и прочла. Не побоялась ответить, хотя обратный адрес с моим личным номером не оставил сомнений, что я заключенная. Она сочувственно писала мне, что мои дети и родители умерли голодной смертью и призывают мстить фашистам.

Я еще ничего не знала, поехала на летнюю стоянку на дачку. обходу коров, смотря, чистые ли они, привязаны ли хвости и т.д. Доярки как-то странно на меня смотрели, а одна заплакала и сказала, что пришло письмо, где сообщено о смерти всех членов моей семьи.

Все мои надежды рушились, ведь я жила надеждой увидеть своих детей, быть с ними. Я плохо помню дальнейшее, была в каком-то замешательстве, почему-то побежала на Пруды, оставив лошадь в степи. Помню, что колыхался ковчель, а мне казалось, что это слезы. Прибежав на Пруды, я потребовала от Гахиль письмо, она его отдала....

В своем несчастье я встречала З жизни страдающих женщин. Большинство страдало прежде всего за своих детей. Такой была и я. 2-я группа полагала, что дети-то вырастут, а вот мужчины в чем не новинки, униженный и оскорблённый, блеклостанный заслуживает наибольшего сострадания. 3-я группа полагала, что дети вырастут, муж - сильный взрослый человек выживет, а вот мать - самый несчастный человек. Такова, например, была Эля / у неё сейчас живёт в Ленинграде Ерёга/. Для меня дети были прежде всего. А некоторые женщины были как-то страдальцами, говорили: значит так нужно, надо терпеть.

В дальнейшем я узнала все подробности ужасной смерти моих родных. Бесконечно плакала, мне казалось, что пришёл конец света. Конечно, я страдала за всех - за мужа, за своих многострадальных родителем, особенно за мою добрую и преданную мать.

Через несколько дней мы должны были ехать в Сарепту, где были такие же фермы, как у нас в Чамарке. И соревновались, нацио было проверять итоги. Я не оправилась от своего горя, находилась в страшно подавленном состоянии. Но мно пришёл начальник участка и сказал, чтобы я собиралась в Сарепту, что ему написал Брагов, чтобы меня обязательно отправили туда. За мой должен приехать агроном- цветовод / сидел по своему делу, имел 10 лет и 5 поражений в правах, фамилию забыла,/ говорили, что он троцкист.// но могла ослушаться начальства, стала собираться и поехала. Приехавший "троцкист" всю дорогу / 10 км./ со мной говорил, развлекал, а в Сарепте собралось много людей, было много работы, я как-то отвлеклась от своего ужасного горя. Умна, что Брагов был прав, обняв меня сказала.

Вскоре нашего Ивана Васильевича повысили: перевели из Чамарки в Колинку на С.Лоз. опытную станцию начальником отдела селекции. У нас тогда появился вместо И.Б. новый старший зоотехник. И сразу почувствовали разницу. тот человек мог дать распоряжение, а потом отказатьсь от него. Однажды таким образом он поставил меня в юридическое положение. Франца, то вскоре убрали, появился другой - Тёмкин Аркадий Семёнович, заключенный, образованный и интеллигентный человек. Ранее он работал где-то за границей по экспорту мяса. Получил 10 лет и 5 поражений. С ним было хорошо работать. Он делал интересные доклады о работе ферм. И.Б. поручал ему кое- какие работы по селекции. Мы анализировали пломбенные качества быков- производителей, составляли интересные таблицы.

С того самого года, я освободилась 26 марта 1946 г. Мне нужно было подписать документы. Я увидела свою фотографию, которую сделали, когда брали у меня отпечатки пальцев. Какое скромное лицо!

я мало не представляла, когда я была тогда.

После моего освобождения приехал начальник отделения Врагов по на-
ро лоцады. Первые он назвал меня "мачи-юной", сказал, что
я - лучший специалист в селе отселенном и что он надеется, что я оста-
нусь у него работать. Просил старши братохини Ахити и тоже уговари-
вал работать по вольному наему, но из-за члена на право поку-
ми в спец. магазине нескольких метров ткани, что, конечно, было
меньше очень нужно. Но скота было меньше и я осталась. Моя приятель-
ница Надежда Васильевна Супруненко, работавшая на северной ферме,
также осталась. Многие уехали, например мой Рахим. Гульбейсе по-
касало, что все уехавшие сполна обобрали, они основательно изучи-
лись. У нас в паспортах было -39, т.е. мы не могли жить в 39 го-
дах. Вот всех приехавших, а они, как правило, были из крупных горо-
дов, попросили удалиться из города на 100 км. Трудно было найти ра-
боту им, а в 1948-49 г.г. началась новая волна депортаций. Однажды
в 1949 г. в Балтада Васильевна Супруненко была привлечена на открытое
шартиеское собрание, где один офицер произнес речь, смысл которой был:
"Враг не дремлет! Бдительность, бдительность и еще раз бдительность"
и то же звучало кругом ногой и поняли, что снять будут гонорации.

Быстро мы получили от уехавших наших мужчин письмо из отдален-
ных краев Сибири, куда их высыпало, как сюда селились крестьян, убор-
кой сена. Там оказался и наш освободившийся и уехавший Теркин.

Быстро после этого освобождения Иван Васильевич вызвал меня
в поликлинику. Часто с ним и еще двумя сотрудниками мы постали в ко-
мандировку: проверяли плодовую работу усем в нашем строенном хо-
зяйстве. Тогда я увидела новых за jakiщенных студентов из Тимирязев-
ской Академии. И называли менеджистами- моргенистами. Они не согла-
сались с теорией "коинфой" новой науки Лиссекко, им, но долго ду-
мая, арестовали и отбывали в лагерь.

Иван Васильевич предлагал мне сдать при университете
аппарат для доклада о работах Лиссекко. Я отказалась, т.к. знала, что
это проходимец в науке. Просто его теория былаозвучна весточкой,
как не существует никакой наследственности, живой организмы различа-
ются от условий среди / якобы / в институтах пытались изменять
генетику, склонный новорожденным ученым: Менделя, Вейсмана,
Моргана. Последний Лиссекко считал пугубным. Были затеряны гибри-
ческие семена, которые давали огромный урожай / работы Н. Вавиляса.
Зато Николая Ивановича посадили в тюрьму и заточили, вспоминая про-
шлого нашего времени.

Мы начали портить свое прекрасное стадо: скотину сажали
персидской породы / по указанию высшего начальства / и сказали, что
в конце концов кончились, т.к. Лиссекко к 56 г. развенчали и, сконча-
ли его полную несостоятельность. Но сильно заслали сысо-

мой жизнь после освобождения мало отличалась от прошлой.
Я жила в том же деревне при ферме. Превра, у меня по деревне открыта,
расчищали по имени и отчеству. Я стала лучше прятаться, разводить кур.
У меня было 7 кур, 3 утки и 3 гуси.

Сельскохозяйственная опытная станция организовала новую фер-
му плодовую, спортивно-показательную. Недалеко от деревни, называли
её "Восток". Были выстроены кирпичные скотильные дворы, освещенные
пункт, кормокухня, санитарийный пункт, почтовый ящик. Все
стали новое. Среди скота лучшим животным красно-стальной породы.
Черный ягненок на корову мы довели до 5000 л. Работки было очень много,
но она была очень интересной. Жизнь породила работать.

Мы отбирали племенных бычков и телочек, соответствующие их
коровам. Этой скоткой руководил мой старший зоархин Иван Абдуль-
ович Лисин. К нам по ферме часто приходили разных начальники, такие
как Ильин из Москвы, из Караганды, из ГУЛАГА, из министерства с.х.и.
Первый директор Карагандинского областного института приезжал со своей
спутницей, Я проводила с ними встречи. Погода меня интересовала в
Караганду, РК в чистое ложе по искусству осенним, но что
было холоско погоды. Я сунела привычно басться, склонила свою голову
пальто, лотий восток, пальто.

Моя племянница Лёля вышла замуж за Юрия Ясеникого, который
был окован в рабочую Сибирь.

В 1960 году в отпуск я поехала и им. Это был мой первый отъезд из лагеря. Но было так странно и даже странновато: нет стрелка, никто за мной не следит. На станции Карабас я взяла билет до Красноярска, в Новосибирске должна быть пересадка. Вошла я в вагон-место у меня оказалось нижнее, плацкарта. Всё время помнила, что в моем паспорте отметка - 39, почему-то боялась, что будет проверка документов. Была телеграмму, чтобы меня встречали. В Новосибирск прибыли вечером, переночевала в гостинице на вокзале, очень коморально, там принесла душ. На другой день выехала в Красноярск. В вагоне познакомилась с женщиной, живущей в Красноярске. От неё узнала, что наши живут на правом берегу Енисея. В 12 часов ночи прибыли в Красноярск. Шлюхонский деревянный вокзал, какие-то пьяные мужчины, визжали женщинам. Знечтление было ужасное, а к тому же меня никто не встречал, думал-зачем же приглашали, просто из любопытности? Может быть, муж Лёля совсем и не хотел моего приезда, ведь у меня в паспорте - 39. Что делать? Может, посмотреть расписание, взять обратный билет и уехать?

Моя новая знакомая, которая жила тоже на правом берегу, предложила вместе с ней в 4 часа утра сходить на пригородном поезде до ст. Злобино, где жила Лёля, а там уже близко до аэродрома, в котором она жила. Приехали. Злобино имеет тоже деревянный вокзал, домишко, а вдали виднелся большой 6-ти этажный аэродром, рядом школа, напротив аэродрома - техникум, где Лёля работала. Лёлии муж окончил куйбышевский авиационный институт, но, женевшись на дочери репрессированного, оказался в Сибири и, конечно, его родители были против его женитьбы. Юрий в аэродроме получил две комнаты в коммунальной квартире.

Иду я с чемоданом в 6 часов утра, кругом деревянные домишкx с цепочкой деревянных уборных на улице и мусорными ямами. Подхожу к дому, поднимаюсь по лестнице, звоню, а внутри всё дрожит - как прирут. Створяет неизвестная женщина, говорит: "ты так ходишь" - немного отлегло от сердца, отворю дверь в их комнату. Смотрю - сидит на кровати моя невестка Маруся и одевается и говорит: "а наши собираются нас встречать в 12 часов дня." Сказывается, произошла путаница, наша спасательная служба напутала. Сидим разговариваем, вдруг из соседней комнаты выбегает Лёля, бросается ко мне, а за ней - мальчик Саша, ему 1 год и 3 месяца. Он красивый беленький с темными глазами. Лёля я, конечно, на улице бы не узнала. видела я её в 1935 году, а прискала в 1960г. Прошло 15 лет, из девочки она превратилась в молодую принцессу 24 лет. Сразу я попала в такую свою родную атмосферу.

После этого я ездila к ним через каждые 2 года и проводила у них двухмесячный отпуск. Окончательно я к ним переехала в 1966 г. вот и живу. Серёже Саше в то время было 9 лет, он же 6 лет, а Серёже посыпал второй год. Я воспитывала этих детей. Всёх хорошо мю и ближе Серёзенька и Саша тоже. Потеряв своих детей, всякая материнскую ностальгию любовь я отдала этим мальчикам. Много им отдавала своего здоровья, знаний и сил. Когда реабилитировали моего мужа Ласю посмертно, я получила за него 5,5 тыс. руб. Эти деньги я послала Лёле на покупку пианино. Но и сейчас стоят, какие памятники моему погибшему невинному мужу. Этой я учила музыке, т.к. считаю, что музыка воспитывает и одухотворяет человека. Всёя и Серёжа окончили музыкальную школу.

Вернувшись из отпуска, я продолжала работать на Космоделе.

В 1954 г. меня командировали в Москву на Всесоюзную сель. хоз. выставку. Пробыла я там 6 дней, всё осмотрела. Первый раз за много лет побывала я в столице. В 1956 г. меня направили в Москву на выставку уже как представителя от Карагандинского совхоза. У меня было 80 голов скота, который обслуживался Сивыми з.к. / 13 человек /, получившими нормальное паспорта. Наш скот на выставке был одним из лучших. Работать приходилось очень много. Присекала на выставку рано, привести животных и помещение в идеальное состояние, а потом начинались бесконечные экскурсии, которые вела я. Конечно, всех этих животных я знала прекрасно, на все вопросы могла ответить с сольми и подробностями. Оценили приезд большая комиссия, состоящая из профессоров Тихиревской Академии. Они осмотрели всех наших живот-

ных, а затем двум нашим машинам производителям по имени Сильвий и Флагель, а также волу весом 1500 кг. Янтарь присудили звания членов. За них я получила три машины: легковую, грузовую и "бобик". Эти машины прислали в наш совхоз. Пробыла я в Москве с месяцем.

Занялась я и своими личными делами. Побывала в Прокуратуре, подала заявление о реабилитации мужа. Прокурор спросил: кто судил мужа? Я ответила: воинской коллегии / такие расговоры были среди наших воинов./ Си мис. ответил: несомнительно воинская коллегия. Позвонил он куда-то по телефону и ему ответили, что судила воинская коллегия. Я очень так боялась моё бедное сердце, что я боялась, что сюю вырвутся из моего тела и от меня улетят.

В Москве я встретилась со своей бывшей сослуживицей по Ленинграду - Антоновой Людмилой Никонентьевной. Она - родная сестра генерала Антонова, бывшего сталинского нач. генштаба. Приняла она меня очень сердечно, хотя и не сразу узнала. В Москве я побывала в музеях, в театрах, все что себе купила, приоделась.

Попросила я разрешения уехать в Ленинград на 10 дней. Мне это разрешили. С трепотом дувовыми поехала я в мой родной город, продержавшись с Екатериной Оскаровной, адрес которой я узнала у Юли. После прибытия, выходу, иду по знакомому вокзалу, выходу, сажусь на трамвай и еду в конец Васильевского острова, где тогда жила Екатерина Оскаровна с семьёй своей старшей дочери Дари. В одной Большой комнате их было 5 человек, туда их посыпали после возвращения из эвакуации. Ленинград был весь ободранный, тусклый. Почему-то правительство не стремилось ремонтировать Ленинград, а Москва ведь блестела. Ленинград же, такой красивый город, был заброшен. В трамвае со мной стала какой-то морской офицер, он говорил со мной и потом доложил моему чемодану до квартиры Ивановых, возможно, помнил, что я за птица.

Через справочное бюро я разыскала своих сослуживцев, получила деньги за два месяца. Там, реабилитированным, выплачивали такую сумму. Ходила я в Большой дом / КГБ/ меня принимали очень любезно. Из сейчаofs офицер, к которому я обращалась, вынул папку - это дело моего мужа. Я сказала: страшно, сколько можно написать побесить о честном человеке. Си читает дело, говорит: были такие времена, дело нашего мужа будет пересмотрено. Назовите нам двух человек, историю могут охарактеризовать нашего мужа, как работника и как человека.

Я вызвала профессора Ленинградского института Никитина и академика Смородинова / врача- микробиолога/. Побывала в Институт экспериментальной медицины, чтобы его предупредить. Слово, никого слушал на меня с большим интересом. Была одна и к Никитину, ото начальников было внимание. Жена их по востала, бросила в почтовый ящик письмо с обвинением.

Самое главное - я разыскала свою подругу с юных лет - Александру Ивановну Метаникову. Она стала кандидатом наук, работала в то время в институте ботаники. Она знала всю историю моих детей и родителей, знала, как умерли мои дети и родители Голос, мой смерть. Погода-то мой брат Виктор в тридцать для ее семьи время пошёл Але, устроил ее на работу, в то далеско время, когда у Али умер отец и их семья осталась без средств к существованию. Аля тогда была определена на работу в школу с сельхоз. училином в Чирской, где Аля стала горюло зарабатывать. Когда Виктора с семьей вынудили в 1945 г. из Ленинграда, Аля не побоялась и приодила провожать на вокзал. Я в справочном бюро узнала Алии адрес - квартиру они склонили. Воию, открывает Алии сестра София и бросается меня целовать. Аля в это время оказалась в Карелии, где проводила опыты с пищевой. София дала ей телеграмму: присыпала Нина Фиринская. Аля приехала через день, бросилась ко мне с речами, а я не плакала тогда, все слышала всплакала в лагере. Сейчас вот плачу и частенько не могу сдержать слёз. Аля рассказала, что в марте 1944 г. пошла на Зверинскую, встретила нашего дворника, который ей сказал, что квартира закрыта, все умерли голодной смертью. Во дворе лежали трупы че-то покрыты. Аля подняла покрывало и увидела труп моего отца, а рядом лежал, скрючившись, Женя, мертвый, в голове рубашечка. Аля стала расчищивать Тату

Аля нашла уже уморившую Таточку в больнице Эрискана. Поздно она пришла. Тата умерла от дистрофии.

Аля показала мне письмо Таты, она писала: умрла бабуля, через две недели за ней последовала тетя Аля...

Мои дети остались с девушкиной, которому было 88 или 89 лет. Так вымерла вся моя семья.

Стол мой проработал полвека и умер голодной смертью!

Все члены нашей семьи - интеллигенты, принципиальные, честные, гуманные. Всю жизнь отдавали свои знания своей родине.

Для чего же было нужно, всё, что случилось?

Если бы не Арутёв, который приоткрыл правду и рассказал о кровавых злодействиях Сталина, мы до конца жизни были бы униженными, оскорблёнными и пресиражаемыми.

Воспоминания Николы Владимировича Пахомовой передаются её племянницей Еленой Викторовной